

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Международное энергетическое сотрудничество THEMATIC DOSSIER: International Energy Cooperation

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Научная статья

Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру

Ю.В. БоровскийМосковский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Российская Федерация*Research article*

International Dimension of Contemporary U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the World

Yu.V. BorovskyMoscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

За последние полтора десятилетия в американской энергетике произошли глубокие изменения. Совершив так называемую «сланцевую революцию», а также добившись впечатляющих результатов в сфере энергоэффективности и внедрения возобновляемых источников энергии, Соединенные Штаты Америки не только радикально снизили свою зависимость от импортных углеводородов, но и стали наращивать их экспорт. Учитывая экономический вес США, такие изменения заметно трансформировали глобальный энергетический рынок, потребовав от ведущих нефтегазовых экспортеров (включая Россию) нестандартных шагов (к примеру, сделка «ОПЕК+»). Они также создали серьезные предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей традиционной энергетической политики на международной арене.

Автор приходит к выводу, что США пока не вышли из той парадигмы нетто-импортера нефти, которая сформировалась после первого мирового нефтяного кризиса 1973—1974 гг. Это означает, что они все еще сохраняют приверженность традиционным принципам своей внешней энергетической политики: диверсификация источников нефтегазового импорта; продвижение свободной торговли в мировой энергетике; особые отношения с нефтеэкспортерами Персидского залива и стратегический статус Ближнего Востока; ставка на поставщиков энергоносителей из Западного полушария и т. д. Однако, кардинально сократив импорт углеводородов и получив возможность их экспортировать, США не могли не привести что-то новое в свою энергетическую политику. Продолжая ставить во главу угла безопасность энергоснабжения страны, Вашингтон при Б. Обаме заговорил об энергетической независимости, а при Д. Трампе — о глобальном энергетическом доминировании США. В последнем случае речь идет об агрессивном продвижении интересов американских энергетических экспортеров, а также намерении Вашингтона превратить США в технологического лидера и ключевого «регулятора» глобальной энергетики. Более того, США стали более свободными в вопросе санкционного и иного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, руководствуясь своими геополитическими и экономическими интересами.

© Боровский Ю.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В силу роста нефтегазоэкспортного потенциала США, противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в годы холодной войны, отныне приобрело дополнительное экономическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, а впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества, а не экономической конкуренции. В этой связи можно допускать, что в обозримой перспективе США вряд ли откажутся от попыток дискредитировать Россию, представляя ее как ненадежного, политически мотивированного поставщика энергоносителей в Европу и другие регионы мира.

Ключевые слова: США, Россия, энергетическая политика, энергетическая независимость, энергетическое доминирование, соперничество, конкуренция, нефть, газ, Д. Трамп, Б. Обама, Дж. Буш-младший

Для цитирования: Боровский Ю.В. Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 341—353. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Abstract. Since the mid-2000s, the American energy industry has undergone profound changes. Having made the so-called shale revolution and achieved impressive results in the field of energy efficiency and renewable energy, the United States of America has not only radically reduced its dependence on imported hydrocarbons, but has begun to increase exports of these commodities. Given the economic weight of the U.S., such changes have significantly transformed the global energy market, requiring leading oil and gas exporters (including Russia) to take non-standard steps (for example, the OPEC+ deal). They also created serious prerequisites for Washington's revision of its traditional energy policy in the international arena.

The author makes a conclusion that the United States has not yet come out of the paradigm of net oil importer, which was formed after the first world oil crisis of 1973—1974. This means that Washington is still committed to the traditional principles of its foreign energy policy: diversification of oil import sources; promotion of free trade in world energy; special relations with oil exporters in the Persian Gulf and the strategic importance of the Middle East; reliance on energy suppliers from the Western hemisphere, etc. However, having radically reduced oil and gas imports and having got the opportunity to export them, the United States could not help but bring something new to its energy policy. While still prioritizing security of energy supply, the U.S. under B. Obama has started talking about the American energy independence, and D. Trump has proclaimed the global energy dominance as a new key American goal. The author assumes that global energy dominance implies Washington's aggressive promotion of the American energy exporters, as well as its intention to turn the U.S. into a technological leader and a key regulator in the global energy market. Moreover, the U.S. has become freer in the matter of sanctions and other pressure on major oil and gas exporters, guided by its geopolitical and economic interests.

Due to the growth of the American oil and gas export potential, the confrontation between Moscow and Washington in the energy sector, which began during the Cold war, has now acquired an additional economic dimension. Previously, the United States has tried to restrain the development of the Soviet, later Russian energy industry, but acted purely in the logic of political rivalry, not economic competition. Thus, in the foreseeable future the United States is unlikely to abandon its attempts to politicize and discredit Russia as an energy supplier to Europe and other regions of the world.

Key words: USA, Russia, energy policy, energy, independence, dominance, rivalry, competition, oil, gas, D. Trump, B. Obama, J. Bush-Jr.

For citations: Borovsky, Yu.V. (2019). International Dimension of Contemporary U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the World. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 341—353. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Благодаря «сланцевой революции», а также энергоэффективности и внедрению возобновляемых источников энергии (ВИЭ) Соединенные Штаты Америки смогли не только радикально снизить импорт углеводородов, но и начать экспортировать их в значительных объемах. Учитывая экономический вес США, такие изменения не могли не сказаться на глобальной энергетике, прежде всего мировой торговле нефтью и газом. Они также создали предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей энергетической политики на международной арене. Действительно, Д. Трамп провозгласил курс США на энергетическое доми-

нирование (energy dominance) в мире. Все его предшественники со времен первого мирового нефтяного кризиса (1973—1974 гг.), включая Дж. Буша-мл. и Б. Обаму, ставили менее амбициозные задачи. Они пытались как минимум обеспечить безопасность энергоснабжения (security of energy supply) страны, а как максимум — добиться ее энергетической независимости (energy independence). В первом случае речь шла о гарантированном, достаточном по объему и приемлемом по цене снабжении США импортными углеводородами, во втором — о достижении энергетической самодостаточности США за счет внут-

ренных резервов и новых технологий. Д. Трамп пошел еще дальше, по сути объявив США не «защищающейся», а доминирующей, «наступающей» страной в глобальной энергетике.

В связи с вышесказанным возникает ряд важных исследовательских вопросов: насколько глубоки изменения в американской энергетике за последние полтора десятилетия? Как они сказываются на внешней энергетической политике США? Трансформируется ли глобальный энергетический ландшафт из-за перемен в американской энергетике и политике? Какие дополнительные вызовы встают перед Россией и другими экспортерами углеводородов в контексте стремления США к энергетической независимости и энергетическому доминированию? Исследования с подобным охватом пока не проводились ни в России, ни за рубежом.

Цель настоящей статьи — комплексно рассмотреть современную внешнюю энергетическую политику США, выявив ее природу и внутреннюю мотивацию, а также вызовы, которые она несет международному сообществу и России.

В работе применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и методы исторического и политологического исследования, прежде всего сравнительный и системный.

Насколько глубоки изменения в энергетике США?

Во второй половине 2000-х гг. американская нефтегазовая промышленность вступила в эпоху ренессанса, чему во многом поспособствовали «сланцевая революция» и серьезные меры господдержки. Так, в период с сентября 2005 г. по сентябрь 2018 г. добыча нефти выросла в 2,7 раза (более чем на 7 млн баррелей в сутки, далее б/с)¹ в США, а добыча природного газа — в 2 раза². Такие рекордные показатели вкуче с ростом энер-

гоэффективности и возобновляемой энергетики практически нивелировали зависимость Соединенных Штатов от импортных углеводородов. Действительно, в 2017 г. США впервые с 1957 г. стали нетто-экспортерами природного газа³, а их чистый импорт нефти и нефтепродуктов в среднем не превысил 3,7 млн б/с, хотя в 2005 г. он достигал 12,6 млн б/с⁴. Если взять все первичные источники энергии (нефть, газ, уголь, атомная энергетика, гидроэнергетика, ВИЭ), то в 2017 г. США обеспечивали себя за счет собственных ресурсов и мощностей на 92 %, в 2005 г. — только на 69 %. Примечательно, например, что в 2005—2017 гг. американская возобновляемая энергетика выросла в 4,5 раза, или до 4 % в национальном энергетическом балансе⁵.

Столь впечатляющие достижения США в области энергетики — результат работы сразу трех президентов США: Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа. Первый добился принятия законов, которые, во-первых, создали исключительно благоприятные условия для американской нефтегазовой индустрии (налоговые льготы, субсидии, увеличение доступа к месторождениям на федеральных землях). Во-вторых, они поддержали развитие возобновляемой энергетики страны и подняли ее стандарты в области энергоэффективности на гораздо более высокий уровень (Закон об энергетической политике (Energy Policy Act), 2005 г., Закон об энергетической независимости и безопасности (Energy Independence and Security Act), 2007 г.) [Боровский 2011; Корнеев 2016].

Как представитель Демократической партии Б. Обама изначально обещал бороться за сокращение потребления ископаемого топлива в США, используя для этого возобновляемую энергетику и энергоэффективные технологии. Однако со временем он не только переключился в активного сторонника природного (в особенности сланцевого) газа, но и с определенными оговорками стал поддерживать нефтедобычу в стране, ссылаясь на то, что она уменьшала ее зависи-

¹ С 4,2 млн б/с в сентябре 2005 г. до 11,5 млн б/с в августе 2018 г. См.: U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_crd_crpdn_adc_mbbldpd_m.htm (accessed: 10.01.2019).

² С 46,7 млрд куб. футов в сутки в сентябре 2005 г. до 93,0 млрд куб. футов в сутки в сентябре 2018 г. См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9050us2M.htm> (accessed: 10.01.2019).

³ См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/naturalgas/data.php#imports> (accessed: 10.11.2019).

⁴ Ibid.

⁵ См.: BP Statistical Review of World Energy 2018. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed: 12.01.2019).

мость от энергетического импорта. Фактически Б. Обама прекратил добиваться отмены преференций, созданных для нефтегазовых компаний администрацией Дж. Буша-мл., хотя раньше обещал это сделать. Более того, он не стал мешать развитию нефтедобычи на шельфе Мексиканского залива и на Аляске, которые относятся к зоне федеральной ответственности; препятствовать активизации производства углеводородов на землях штатов (Техас, Пенсильвания, Северная Дакота, Монтана, др.); поддерживать призывы экологов, требовавших запрета технологии гидравлического разрыва пласта (ГРП), применяемой в низкопроницаемых породах (включая сланец), а также бурения на глубоководном шельфе [Корнеев 2016; Бирюкова 2017]. И первое, и второе сопряжено с серьезными экологическими рисками.

Конечно, Б. Обаме не удалось провести через Сенат Закон об американской чистой энергетике и безопасности (*American Clean Energy and Security Act*). Помимо прочего он предусматривал запуск национальной системы торговли разрешениями на выбросы парниковых газов, а также существенное увеличение господдержки ВИЭ и энергоэффективности. Тем не менее, 44-й президент США немало сделал для национальной энергетике в рамках Закона о восстановлении и реинвестировании американской экономики (*American Recovery and Reinvestment Act*), принятого в феврале 2009 г. в ответ на мировой финансовый и экономический кризис. Через этот закон, рассчитанный на период до 2019 г., Б. Обама финансировал национальные проекты, связанные с повышением энергоэффективности, созданием умных сетей (*smart grids*), внедрением ВИЭ, разработкой новейших аккумуляторов [Боровский 2011; Захаров 2015]. Важно отметить, что президент Обама, ставший свидетелем позитивных изменений в американской энергетике, заговорил об энергетической независимости США как о вполне достижимой, а не иллюзорной цели [Бирюкова 2017].

Дональд Трамп пошел еще дальше, провозгласив курс на американское энергетическое доминирование в мире. Он стал прилагать дополнительные усилия по поддержке и развитию национальной энергетике, что выразилось в устранении административных барьеров, затрудняющих и замедляющих реализацию новых энерге-

тических проектов на территории США (добыча, транспортировка и экспорт нефти, газа, угля; производство ВИЭ, строительство АЭС и др.), а также в дополнительном снижении налогового бремени для компаний, работающих на американском энергетическом рынке. Признавая проблему глобального потепления, Д. Трамп, тем не менее, добился выхода США из Парижского соглашения по климату, одобренного всеми странами ООН в 2015 г., а также аннулировал План по чистой генерации электричества (*The Clean Power Plan*), введенный Б. Обамой в 2015 г. Делая такие шаги, 45-й президент США снял многие экологические барьеры на пути развития угольной и иной традиционной энергетики страны. Отдельное внимание администрация Д. Трампа стала уделять вопросам технологического превосходства США в вопросах энергоснабжения, оказывая поддержку инновационным решениям и проектам. На международной арене она начала агрессивно продвигать интересы американских экспортеров сниженного природного газа (СПГ), нефти, угля, ядерного топлива, иных энергетических товаров и услуг [Бирюкова 2017].

Отказываются ли США от традиционных принципов их внешней энергетической политики?

Со времени первого мирового нефтяного кризиса (1973—1974 гг.), в ходе которого арабские страны ОПЕК секьюритизировали глобальное энергоснабжение, американское руководство делает все возможное для того, чтобы США имели гарантированные, достаточные по объему и приемлемые по цене поставки импортных углеводородов, прежде всего нефти. С начала 1970-х гг. доля жидких углеводородов в американском энергобалансе колеблется в диапазоне 40—50 %, что ставит ее в центр энергетической политики США последних десятилетий. Бесспорно, наряду с безопасностью энергоснабжения, каждый президент Соединенных Штатов, начиная с Р. Никсона, пытался добиться энергетической независимости страны, однако вплоть до второй половины 2000-х гг., когда произошла «сланцевая революция», эта задача носила во многом иллюзорный характер.

С 1973 г. энергетическая политика США на международной арене подчиняется вполне

понятной логике или исходит из определенного набора традиционных принципов.

Во-первых, американский нефтяной импорт подлежит глубокой *диверсификации*⁶. Неудивительно, что в 2017 г. жидкие углеводороды поступали на рынок США почти из сорока стран, расположенных в самых разных регионах мира.

Во-вторых, Соединенные Штаты ставят во главу угла *свободную торговлю* (free trade) и борются с разными проявлениями «ресурсного национализма», мешающими энергетическим ТНК надлежаще осваивать нефтегазовые залежи Земли.

В-третьих, они готовы при необходимости *стимулировать мировое предложение нефти* во избежание дефицита, от которого могут серьезно пострадать американские потребители, причем не только физически, но и в ценовом плане. Например, Великобритания, Норвегия и Мексика в 1970—1980-х гг. превратились в ведущих экспортеров нефти не без финансовой, технологической и прочей помощи США. Известно также, что в 1970-х гг. Вашингтон, несмотря на серьезное политическое соперничество с Москвой, призывал ее к наращиванию поставок нефти на мировой рынок, желая тем самым несколько девальвировать значимость стран ОПЕК [Ергин 2018].

В-четвертых, США делают ставку на *негласные, особые отношения с арабскими нефтеэкспортирующими монархиями, прежде всего Саудовской Аравией*, а также считают Ближний Восток регионом стратегической значимости, поскольку он располагает крупнейшими, причем наиболее доступными запасами углеводородов в мире. В обмен на американскую защиту от внешних угроз (например, в лице Ирана, находящегося в острых геополитических и религиозных противоречиях с Саудовской Аравией) Эр-Рияд обязуется использовать свой мощный добывающий и экспортный потенциал не только для бесперебойного снабжения США, но и стабилизации мирового рынка нефти в американских интересах [Bronson 2008]. Кроме того, арабские монархии уже много лет обеспечивают привязку доллара к нефти, а также выступают в роли ведущих покупателей американских ценных бумаг и ору-

жия. Например, Саудовская Аравия входит в десятку крупнейших держателей американских казначейских облигаций (167 млрд долл. США по состоянию на октябрь 2018 г.⁷), а в мае 2017 г. Эр-Рияд заключил с Вашингтоном оружейную сделку на 110 млрд долл. США⁸.

В январе 1980 г. президент США Джимми Картер, выступая с ежегодным посланием «О положении страны», недвусмысленно заявил, что «попытки каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой»⁹. С тех пор американское военное присутствие на Ближнем Востоке и в непосредственной близости от него достигло впечатляющих масштабов. Так, в 2018 г. США располагали военными формированиями и объектами (воздушными, морскими или иными) в Бахрейне, Джибути, Египте, Израиле, Иордании, Ираке, Катаре, Кувейте, Ливане, Омане, ОАЭ, Саудовской Аравии, Сирии и Турции. В перечисленных странах было расквартировано свыше 54 тыс. американских военнослужащих [Zenko 2018; Wallin 2018]. Как отмечено в руководстве ВМС США за 2017 г., передовые американские военно-морские силы, развернутые по всему Ближнему Востоку, призваны помогать партнерам в поддержании мира, управлении переменами, сдерживании агрессии и обеспечении стабильности в этом ключевом с точки зрения энергоснабжения регионе мира¹⁰.

⁷ См.: La Monica P.R. Saudi Arabia owns (at least) \$166.8 billion in US debt // CNN Business. 2018, 15 October. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/15/investing/saudi-arabia-us-debt-jamal-khashoggi/index.html> (accessed: 13.01.2019).

⁸ См.: США и Саудовская Аравия заключили оружейную сделку на \$110 млрд // BBC. 20 мая 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39987095> (дата обращения: 11.01.2019).

⁹ Foreign Relations of the United States, 1977—1980. Vol. XVIII, Middle East Region; Arabian Peninsula / Ed. by K.M. McFarland, A.M. Howard. Washington: United States Government Publishing Office, 2015. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v18/d45> (accessed: 10.01.2019).

¹⁰ U.S. Navy Program Guide 2017 (Department of the Navy, Washington D.C.). URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=805203> (accessed: 13.01.2019).

⁶ National Energy Policy: Report of the National Energy Policy Development Group, May 2001. URL: <https://www.wtrg.com/EnergyReport/National-Energy-Policy.pdf> (accessed: 15.01.2019).

В-пятых, США отдают *приоритет экспортерам Западного полушария*. Речь идет о так называемой «политике соседства» (*neighborhood policy*), когда поставщики нефти из Северной и Южной Америки считаются Вашингтоном наиболее надежными и экономически целесообразными, даже вопреки возникающим политическим разногласиям. Поэтому не случайно, что в 2017 г. 62 % американского импорта нефти и нефтепродуктов обеспечили страны Западного полушария, а в четверку крупнейших поставщиков нефти и нефтепродуктов на американский рынок вошли (наряду с Саудовской Аравией) Канада, Мексика и Венесуэла (совокупная доля «четверки» в американском импорте в 2017 г. — 63 %) ¹¹.

Существенный рост американской добычи углеводородов создал серьезные предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей энергетической политики на международной арене. Действительно, став нетто-экспортером природного газа в 2017 г. и приблизившись к аналогичному статусу в нефтяной сфере, США со временем могут отказаться от ряда традиционных правил их поведения на мировом энергетическом рынке. Например, для Вашингтона рано или поздно могут потерять былую актуальность усилия по диверсификации источников нефтегазового импорта (в том числе за счет стран Западного полушария); обеспечению свободной торговли углеводородами в мире и стимулированию нефтегазовой добычи в других странах. Не случайно Сара Лэдислоу, отвечающая за энергетические исследования в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*), призывает нынешнее американское руководство, несмотря ни на что, сохранять ставку на продвижение свободной торговли в глобальной энергетике и не скатываться к простому меркантилизму [Ladislaw 2018].

Под вопросом также оказались «особые отношения» США с аравийскими нефтегазодобывающими монархиями и американское военное присутствие на Ближнем Востоке. К примеру, в октябре 2018 г. Д. Трамп почти ультимативно потребовал от Саудовской Аравии заплатить за присутствие войск США на Ближнем Востоке.

¹¹ U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbb1_a.htm (accessed: 14.01.2019).

По мнению президента США, без поддержки Пентагона король Саудовской Аравии не продержался бы и недели ¹². Подобные высказывания, указывающие на образовавшийся дисбаланс в американо-саудовских «особых отношениях», кажутся немыслимыми в бытность президентства Дж. Буша-мл., когда две трети потребляемой США нефти имело импортное происхождение. Тем не менее, с точки зрения стратегического планирования Вашингтон вряд ли пойдет на радикальное изменение сложившихся отношений с Эр-Риядом, поскольку последний может сильно пригодиться в контексте усиливающегося американо-китайского противостояния. Более того, США нуждаются в Саудовской Аравии как крупнейшем покупателе американского оружия.

Еще в 2005 г. на страницах *New York Times* Джон Дейч призвал администрацию Дж. Буша-мл. к скорейшему выводу американских войск из Ирака. Бывший директор ЦРУ тогда полагал, что масштабное военное присутствие США в Ираке не только не позволило Вашингтону достичь поставленных целей в отдельно взятой стране, но и сделать весь ближневосточный регион более мирным и стабильным [Zenko 2018]. С тех пор споры в американском обществе относительно вовлеченности Соединенных Штатов в дела Ближнего Востока не только не угли, а усилились. Одна из причин — радикальное сокращение зависимости США от импорта нефти и газа, в том числе из стран Персидского залива.

Немалая часть американского истеблишмента, к которой принадлежит сам Дж. Дейч, считает, что чрезмерное военное присутствие США на Ближнем Востоке контрпродуктивно.

Во-первых, оно провоцирует враждебные действия в отношении Соединенных Штатов не только в регионе, но и по всему миру.

Во-вторых, некоторые страны Ближнего Востока попадают в зависимость от американских гарантий безопасности и пытаются ими злоупотреблять в своих интересах. Поэтому Вашингтону необходимо умерить свой вклад в управление Ближним Востоком, одновременно усилив пози-

¹² См.: Шимаев Р., Чурсина М. «Платить ничего не будем»: Саудовская Аравия ответила на требование Трампа увеличить расходы на оборону // RT. 6 октября 2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/561529-saudovskaya-araviya-ssha-oruzhie-oplata> (дата обращения: 14.01.2019).

ции в других стратегических регионах мира, прежде всего в Восточной Азии.

Другая часть политической и интеллектуальной элиты США убеждена в обратном. Она полагает, что широкомасштабное развертывание американских войск на Ближнем Востоке отвечает жизненно важным интересам США. Только оно может обеспечить стабильные и предсказуемые поставки ближневосточных углеводородов в США и другие страны; сохранить нынешний режим в Саудовской Аравии; пресечь перекрытие важнейшего для мирового рынка нефти Ормузского пролива и появление регионального гегемона, контролирующего огромные нефтегазовые запасы [Zenko 2018].

Например, С. Лэдислоу считает, что США, существенно увеличив добычу углеводородов, стали менее озабоченными собственной энергетической безопасностью. Однако они отнюдь не утратили интерес к Ближнему Востоку, имеющему стратегическую значимость с точки зрения глобального энергоснабжения. Тот факт, что Вашингтону потребовалась поддержка аравийских монархий при введении запрета на импорт иранской нефти в 2018 г., говорит о по-прежнему ключевом месте некоторых ближневосточных поставщиков углеводородов во внешней политике США [Ladislaw 2018].

Придя в Белый дом в январе 2009 г., Барак Обама уже к декабрю 2011 г. вывел из Ирака весь контингент американских войск, выполнив тем самым свое предвыборное обещание. Важно напомнить, что в 2007 г. численность американских военных в Ираке достигла пика в 170 тыс. человек. Тем не менее, с лета 2014 г. и до истечения своих полномочий в 2017 г. тот же Обама под предлогом борьбы с ИГИЛ¹³ нарастил присутствие американских войск в Ираке и других странах Ближнего Востока примерно на 20 тыс. человек [Zenko 2018]. Преемник Б. Обамы Дональд Трамп неоднократно и настойчиво заявлял о необходимости радикального сокращения американского военного присутствия в ближневосточном регионе. Поступая таким образом, он исходил не столько из неких геополитических соображений (как, например, тот же Дж. Дейч), сколько из простого желания сократить расходы

Пентагона. В частности, Д. Трамп не раз указывал на то, что США якобы ничего не получали от богатых аравийских монархий, тратя на их безопасность огромные средства (7 трлн долл. США за 18 лет¹⁴). Тем не менее, ультиматумы и угрозы 45-го президента США не материализовались в радикальные решения. Более того, в 2017—2018 гг. военное присутствие США в регионе Ближнего Востока продолжало увеличиваться. Например, в указанные годы в Ираке число американских военнослужащих превысило 9 тыс. человек, в соседней Сирии — 1,7 тыс. человек [Zenko 2018]. Примечательно также, что ни в Стратегии национальной безопасности (декабрь 2017 г.), ни в Стратегии национальной обороны (февраль 2018 г.) ничего не было сказано о новой политике США на Ближнем Востоке. И хотя в декабре 2018 г. Д. Трамп неожиданно заявил о выводе американских войск из Сирии, это никак не изменило традиционную политику США в регионе и сложившийся там статус-кво. Более того, некоторые эксперты назвали подобный шаг Д. Трампа тактическим маневром, а другие даже усомнились в том, что Пентагон претворит в жизнь намеченное.

Таким образом, можно полагать, что Б. Обама и Д. Трамп не изменили традиционного подхода США к ближневосточному региону, поскольку в американском истеблишменте, вероятно, такие планы не получают подавляющей поддержки. Тем не менее, опрос общественного мнения, проведенный в мае 2016 г., показал, что свыше 60 % американцев объясняют присутствие войск США на Ближнем Востоке необходимостью победить ИГИЛ, около 18 % — обязательствами перед Израилем и лишь 9 % — важностью ближневосточной нефти [Zenko 2018].

Каково влияние США на глобальную энергетику?

Учитывая экономический вес США, глубокие перемены в американской энергетике, произошедшие с середины 2000-х гг., не могли не сказаться на глобальном энергетическом рынке, особенно нефтегазовой торговле. Действительно, благодаря

¹³ Организация запрещена в РФ.

¹⁴ Трамп завершил операцию на семь триллионов долларов. Ему не хотят платить // РИА «Новости». 28 декабря 2018. URL: <https://ria.ru/20181228/1548830460.html> (дата обращения: 21.01.2019).

тому, что с 2005 г. США существенно нарастили добычу нефти (плюс 7 млн б/с с сентября 2005 г. по сентябрь 2018 г.) и одновременно сократили ее потребление (минус 2 млн б/с в тот же период), в распоряжении международного сообщества оказались фактически лишние 9 млн баррелей в сутки (примерно 9—10 % глобального спроса). Появление таких объемов буквально переломило ситуацию на мировом нефтяном рынке, который с начала 2000-х гг. находился под угрозой дефицита нефти в силу роста спроса на нее в КНР, Индии и других развивающихся странах, а с середины 2014 г., напротив, перешел в состояние относительного изобилия. Более того, американская сланцевая нефть (tight oil) приобрела важную роль балансира, поскольку для организации ее коммерческой добычи с нуля требуются месяцы, а не годы, как в случае с традиционными жидкими углеводородами. Иными словами, при адекватной цене и надлежащих инвестиционных условиях в США мировой рынок отныне может рассчитывать на довольно быстрое увеличение предложения, чего не было ранее. И это происходит тогда, когда альтернативные нефти и газу источники энергии, прежде всего ВИЭ, растут быстрыми темпами и год от года становятся более дешевыми и конкурентоспособными. В результате конкуренция между производителями традиционной и новой энергии выходит на новый уровень, а потребители получают больший выбор и лучшие условия.

Более того, сланцевая революция вкупе с энергоэффективностью и ВИЭ превратила США в дополнительный источник нефти и газа для импортеров по всему миру, прежде всего в Европе и АТР. Это позволило им не только диверсифицировать поставки углеводородов, но и улучшить их условия. К примеру, страны ЕС не стали меньше зависеть от недорогого российского газа, однако появление американского СПГ усилило их позиции на переговорах с «Газпромом». В итоге больше российского газа стало торговаться на европейском спотовом рынке, а условия его поставок в рамках долгосрочных контрактов «Газпрома» были заметно скорректированы в пользу потребителей [Ladislaw 2018].

В ответ на обозначенные перемены ведущие экспортеры нефти, к каковым, прежде всего, относятся Россия и Саудовская Аравия, были вынуждены несколько пересмотреть свои эконо-

мические и геополитические стратегии. В результате в декабре 2016 г. была заключена, по сути, историческая сделка, получившая название «ОПЕК+». В ней приняли участие страны ОПЕК и одиннадцать независимых поставщиков нефти, включая Россию, которые договорились коллективно сократить добычу и тем самым сбалансировать мировой нефтяной рынок, в значительной степени дестабилизированный США. Причем центральным элементом этой сделки стало сотрудничество Москвы и Эр-Рияда, на протяжении последних десятилетий выступавших в роли не только главных конкурентов на мировом рынке нефти, но и бескомпромиссных геополитических соперников в ближневосточном регионе. Иными словами, новые реалии, диктуемые США в энергетической сфере, заставили перестроиться двух ведущих экспортеров нефти, которые к тому же вступили в конструктивный диалог по сирийскому вопросу и другим проблемам Ближнего Востока, а также стали активно обсуждать совместные инвестиционные проекты.

Кроме того, стремление США к энергетическому доминированию, чреватое продолжительной эпохой низких цен на нефть и газ, подтолкнуло страны, испытывающие критическую зависимость от углеводородного экспорта, гораздо серьезнее посмотреть на проблему диверсификации своей экономики. Один из наглядных примеров — опять-таки Саудовская Аравия, которая в 2016 г. обнародовала план экономических и социальных реформ, названный Saudi Vision 2030. С его помощью Эр-Рияд рассчитывает добиться успеха в развитии отраслей национальной экономики, не связанных с нефтью. Похожие меры предпринимаются другими странами со сходными проблемами. Среди них, в частности, Венесуэла, которая решила встать на путь глубоких экономических преобразований, задействовав даже интеллектуальный потенциал российских экономистов. Например, в феврале 2018 г. для стабилизации валютной системы страны и создания условий для экономического роста венесуэльское правительство ввело в оборот криптовалюту петро, обеспеченную нефтью. Таким образом, Венесуэла стала первой страной с собственной криптовалютой.

Еще один немаловажный нюанс, привнесенный ростом американской добычи углеводородов, заключается в том, что с середины 2010-х гг.

Вашингтон стал более свободным, а значит, агрессивным в вопросе санкционного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, не опасаясь серьезных последствий для энергетической безопасности и экономики США. Так, в период с 2014 г. под жесткие американские санкции попали сразу три ведущих поставщика нефти на мировой рынок: Россия, Венесуэла и Иран. Отчасти это было продиктовано геополитическими соображениями, однако налицо было желание Вашингтона потеснить конкурентов на мировом нефтегазовом рынке, а также сократить за их счет глобальное предложение углеводородов.

Так, политический кризис на Украине, начавшийся в феврале 2014 г., дал повод США для введения серьезных антироссийских санкций. Если вначале санкционные меры касались отдельных граждан России, то впоследствии они затронули целые отрасли российской экономики, включая топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Так, в апреле 2014 г. Министерство энергетики США заявило о приостановке сотрудничества с «Росатомом». В том же месяце в американский санкционный список попала компания «Черноморнефтегаз», работавшая в Крыму. В июле — сентябре 2014 г. США пошли еще дальше и ввели так называемые секторальные санкции в отношении ведущих финансовых, оборонных и энергетических предприятий России. В «энергетический санкционный список» попали «Роснефть», «Газпром», «Газпром нефть», «НОВАТЭК», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Транснефть». Перечисленные компании были лишены доступа к долгосрочному финансированию в западных банках, а на торговлю их ценными бумагами сроком обращения свыше 30 дней накладывались ограничения. Вводился также запрет на экспорт в Россию оборудования, технологий и услуг, связанных с добычей углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе и в сланцевых породах. В июле 2015 г. США распространили уже действующий санкционный режим на дочерние структуры «Роснефти», а в августе — на Южно-Кириновское газоконденсатное месторождение «Газпрома» в Охотском море [Сидорова 2016].

В августе 2017 г. Д. Трамп подписал закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), одобренный

обеими палатами Конгресса США. Он наделял президента страны полномочиями вводить санкции в отношении лиц и компаний, инвестирующих значительные средства в строительство российских экспортных нефте- и газопроводов или предоставляющих материалы, информацию и услуги для их сооружения. В законе прямым текстом говорилось, что Соединенные Штаты и «впредь будут препятствовать сооружению газопровода „Северный поток — 2“, учитывая его вредоносное влияние на энергетическую безопасность ЕС, развитие газового рынка Центральной и Восточной Европы, энергетические реформы на Украине»¹⁵. Впоследствии администрация американского президента неоднократно грозила ввести санкции как против самого проекта «Северный поток — 2», так и непосредственно против компаний и лиц, участвующих в его реализации и финансировании, ссылаясь на CAATSA.

После прихода Д. Трампа в Белый дом США встали на путь бескомпромиссно-жесткого давления на иранский политический режим. Действительно, в июле 2015 г. шестерке стран-посредников (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН плюс Германия) и Ирану с большим трудом удалось согласовать и подписать Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), касающийся ограничения ядерных разработок Тегерана [Арбатов 2016]. Однако уже в мае 2018 г. Вашингтон не только вышел из СВПД, но и ввел запрет на импорт иранской нефти с ноября 2018 г., коснувшийся не только компаний США, но и других стран. Также Д. Трамп в августе 2017 г. подписал указ о введении жестких финансовых санкций в отношении Венесуэлы. Под запрет, помимо прочего, попали торговые операции с акциями и долговыми ценными бумагами правительства Венесуэлы и государственной нефтегазовой компании PDVSA. В конце января 2019 г. США, реагируя на массовые протесты против действующего президента Н. Мадуро, ввели дополнительные, гораздо более суровые санкции против PDVSA, желая тем самым нане-

¹⁵ H.R. 3364 — Countering America's Adversaries through Sanctions Act, Signed into law by President Donald Trump on August 2, 2017. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (accessed: 05.03.2019).

сти сокрушительный удар по нефтяному экспорту Венесуэлы и окончательно подорвать позиции местной власти. Это выразилось в блокировке активов PDVSA на территории США на сумму 7 млрд долл. США, а также во включении Министерством финансов США венесуэльской госкомпании в список юридических лиц, с которыми американским гражданам запрещено поддерживать деловые отношения, включая заключение сделок по импорту венесуэльской нефти и продаже специальных американских разбавителей, добавляемых в сверхтяжелую венесуэльскую нефть бассейна р. Ориноко. Потенциальные потери PDVSA от новых запретов Белый дом оценил в 11 млрд долл. США в годовом исчислении¹⁶.

Современная энергетическая политика США и новые вызовы России

Благодаря «сланцевой революции», энергоэффективности и возобновляемой энергетике Соединенные Штаты Америки получили возможность экспортировать значительные объемы углеводородов и, значит, превратились в конкурента России на европейском, азиатском и прочих нефтегазовых рынках. Таким образом, в 2010-х гг. противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в эпоху холодной войны, приобрело экономическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, и впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества. Например, Вашингтон предпринимал шаги, нацеленные на срыв строительства газопроводов «Уренгой — Помары — Ужгород» в 1980-х гг. или «Северный поток» в 2000-х гг., но он делал это не для продвижения интересов американских экспортеров, а для геополитического ослабления СССР и России, в частности недопущения укрепления их экономических связей с Европой. При Б. Обаме и тем более при Д. Трампе экономическая конкуренция стала важным дополнительным

фактором при планировании и реализации американской политики в отношении России и ее ТЭК [Боровский 2018b].

Термины конкуренция (competition) и соперничество (rivalry) присутствуют в теории международных отношений. Конкуренция означает состязание государств, компаний и иных участников международных отношений с целью получения материальных или нематериальных благ, преимущественно экономических. Соперничество — иное явление в международных отношениях. В него вовлечены исключительно государства или их группы, которые борются не столько за некие экономические и другие блага, сколько друг против друга, воспринимая международные отношения главным образом в логике «игры с нулевой суммой», а мировую экономику и ее участников (включая национальные компании) в качестве инструментов для усиления собственной мощи или ослабления противника. В рамках такого подхода экономика и энергетика ассоциируются исключительно с политическим рычагом (political leverage) государств или их экономическим оружием (economic warfare) [Боровский 2018a; Diehl, Goertz 2001].

Таким образом, противодействие США реализации проекта «Северный поток — 2», а также их активные усилия по политизации и срыву поставок российского газа в Европу, наблюдаемые в 2010-х гг., вполне можно увязывать с продвижением Вашингтоном интересов американских экспортеров голубого топлива. Не случайно, например, что в упомянутом законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), принятом в 2017 г., перед правительством США была поставлена задача не только препятствовать сооружению «Северного потока — 2» и иных нефтегазоэкспортных проектов с участием России, но и усиленно продвигать экспорт американских энергоресурсов в целях увеличения занятости в США, укрепления энергетической безопасности американских союзников, а также усиления внешней политики США¹⁷.

В обозримой перспективе Соединенные Штаты Америки, обозначившие курс на глобальное

¹⁶ См.: Davis T., Blas J. U.S. Sanctions on PDVSA Look Like a De Facto Oil Import Ban // Bloomberg. 2019, January 29. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-28/u-s-sanctions-on-pdvs-a-look-like-a-de-facto-oil-import-ban> (accessed: 02.02.2019).

¹⁷ Ibid.

энергетическое доминирование, вероятно, не только не откажутся от политизации энергетики в своих национальных интересах, но и выведут ее на более высокий уровень, включая очередные попытки дискредитировать Россию как поставщика энергоносителей. Учитывая строящиеся и заявленные для строительства американские заводы СПГ¹⁸, к 2025 г. США смогут экспортировать до 200—300 млрд куб. метров сжиженного природного газа в год (около 29 млрд куб. метров в 2018 г.)¹⁹. Однако с учетом прогнозируемого спроса на газ страны Европы и АТР, являющиеся главными импортерами СПГ в мире, вряд ли купят такие большие объемы американского газа при наличии альтернативных, более выгодных поставок из России и других стран, например, Катара. Подобные реалии таят в себе источник серьезного конфликта между Москвой и Вашингтоном, а также допускают эскалацию политической напряженности на Ближнем Востоке.

В аналогичном ключе можно говорить и о нефти. Согласно базовым прогнозам²⁰, в краткосрочной и среднесрочной перспективе США продолжают наращивать добычу нефти, а в начале 2020-х гг. они даже станут нетто-экспортерами жидких углеводородов. Если другие производители также увеличат или, по крайней мере, сохранят нынешние уровни добычи, мировой рынок нефти, наверняка, будет ждать эра существенного перенасыщения, а цена на «черное золото» закрепится на минимальных отметках. В этой связи вполне можно допускать, что те санкции, которые США ввели в отношении России, Венесуэлы и Ирана и непосредственно их ТЭК в 2014—2018 гг., призваны сбалансировать мировой рынок нефти в американских интересах в среднесрочной перспективе.

Более того, нельзя исключать, что Вашингтон отныне хочет выступать в роли ключевого «ре-

¹⁸ См.: IGU 2018 World Gas LNG Report. 27th World Gas Conference Edition. URL: https://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_LNG_2018_0.pdf (accessed: 15.12.2018).

¹⁹ См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9050us2M.htm> (accessed: 12.01.2019).

²⁰ См.: IEA World Energy Outlook 2018. URL: <https://www.iea.org/weo2018/> (accessed: 15.01.2019).

гулятора» глобальной энергетики, а именно — определять ценообразование и ключевые тренды, пользуясь своим исключительным весом в мировом производстве и потреблении энергии. В таком контексте от России и других энергетических экспортеров требуются дополнительные усилия для отстаивания своих интересов. Фактически историческая сделка «ОПЕК+» является одним из первых ответов на подобные вызовы.

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно сделать следующие выводы.

С середины 2000-х гг. в американской энергетике произошли и продолжают происходить действительно глубокие изменения. Пока США остаются в парадигме нетто-импортера нефти, сформировавшейся после первого мирового нефтяного кризиса 1973—1974 гг. Это выражается в сохранении традиционных принципов американской внешней энергетической политики. Однако, радикально сократив импорт углеводородов и получив возможность их экспортировать, США не могли не привнести что-то новое в свою энергетическую политику. Продолжая ставить во главу угла безопасность энергоснабжения страны, Вашингтон при Б. Обаме заговорил об энергетической независимости, а при Д. Трампе — о глобальном энергетическом доминировании США. В последнем случае речь идет об агрессивном продвижении интересов американских энергетических экспортеров, а также о вероятном намерении Вашингтона превратить США в технологического лидера и ключевого «регулятора» глобальной энергетики в своих интересах. Более того, США стали более свободными в вопросе санкционного и иного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, руководствуясь своими геополитическими и экономическими интересами и не опасаясь за свою энергетическую безопасность и экономику. Все указанные обстоятельства создают новые вызовы для энергетических экспортеров и, соответственно, требуют от них нестандартных ответов на них (например, сделка «ОПЕК+»).

В силу роста нефтегазоэкспортного потенциала США противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в годы холодной войны, отныне приобрело эко-

номическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества, а не экономической конкуренции.

В этой связи можно допускать, что США вряд ли откажутся от попыток дискредитировать Россию, представляя ее как ненадежного, политически мотивированного поставщика энергоносителей в Европу и другие регионы мира.

Поступила в редакцию / Received: 19.03.2019

Принята к публикации / Accepted: 11.06.2019

Библиографический список

- Арбатов А.Г. Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 3. С. 5—15.
- Бирюкова Н.А. От «независимости» к «доминированию»: сравнительный анализ энергетической политики Администраций Б. Обамы и Д. Трампа // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2017. Т. 9. № 4. С. 144—176.
- Боровский Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // *Международные отношения*. 2018а. № 3. С. 65—72.
- Боровский Ю.В. Препятствия на пути экспорта российских энергоносителей: конкуренция или соперничество // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2018b. № 2. С. 148—158.
- Боровский Ю.В. *Современные проблемы мировой энергетики*. М.: Навона, 2011.
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Захаров П.В. Энергетическая политика США на современном этапе // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 4. С. 180—200.
- Корнеев А.В. Новые тенденции развития топливно-энергетического комплекса США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016. № 3. С. 35—56.
- Сидорова Е. Энергетика России под санкциями Запада // *Международные процессы*. 2016. № 1. С. 143—155.
- Bronson R. *Thicker Than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia*. Oxford University Press, 2008.
- Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
- Ladislav S. *Geopolitics of U.S. Oil and Gas Competitiveness: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade*. May 22, 2018. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA18/20180522/108347/HHRG-115-FA18-Wstate-LadislavS-20180522.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Wallin M. *U.S. Military Bases and Facilities in the Middle East*. Washington: American Security Project, 2018. URL: <https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2018/06/Ref-0213-US-Military-Bases-and-Facilities-Middle-East.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Zenko M. *US Military Policy in the Middle East. An Appraisal (Research paper)* // *US and Americas Programme*. 2018. October.

References

- Arbatov, A.G. (2016). Nuclear Agreement with Iran: Phenomenon or Precedent? *World Economy and International Relations*, 3, 5—15. (In Russian).
- Biryukova, N.A. (2017). From 'Independence' to 'Dominance': A Comparative Analysis of the Obama and Trump Administrations' Energy Policy. *Moscow State University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, 4, 144—176. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2011). *Contemporary Problems of the World Energy Industry*. Moscow: Navona. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2018b). Hurdles Hampering Russia's Oil and Natural Gas Exports: Competition or Rivalry. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*, 2, 148—158. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2018a). International Rivalry: Theoretical and Linguistic Aspects. *International Relations*, 3, 65—72. (In Russian).
- Bronson, R. (2008). *Thicker Than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia*. Oxford University Press.
- Diehl, P. & Goertz, G. (2001). *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Korneev, A.V. (2016). New Trends in the Development of U.S. Energy Industry. *USA and Canada: Economy, Politics and Culture*, 3, 35—56. (In Russian).
- Ladislav, S. (2018). *Geopolitics of U.S. Oil and Gas Competitiveness: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on Terrorism, nonproliferation, and Trade*. May 22. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA18/20180522/108347/HHRG-115-FA18-Wstate-LadislavS-20180522.pdf> (accessed: 10.01.2019).

- Sidorova, E. (2016). Russian Energy Industry under the Western sanctions. *International trends*, 1, 143—155. (In Russian).
- Wallin, M. (2018). U.S. Military Bases and Facilities in the Middle East. Washington: American Security Project. URL: <https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2018/06/Ref-0213-US-Military-Bases-and-Facilities-Middle-East.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Yergin, D. (2018). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Zakharov, P.V. (2015) The United States' Current Energy Policy. *Problems of National Strategy*, 4, 180—200. (In Russian).
- Zenko, M. (2018). US Military Policy in the Middle East. An Appraisal (Research paper). *US and Americas Programme*, October.

Сведения об авторе: *Боровский Юрий Викторович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: yuribor@mail.ru).

About the author: *Borovsky Yury Viktorovich* — PhD in History, Associate Professor, the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (University) (e-mail: yuribor@mail.ru).